

ЖИЗНЬ И УЧЕНИЕ ЗЕНОНА ИЗ КИТИОНА

Основатель стоицизма Зенон из Китиона первым разделил философское учение на три части: логику, физику и этику. Им была разработана категория Логос. Логос, что правит миром, правит разумным поведением человека. Поэтому мудрец должен жить согласно с природой – жить безропотно, но мужественно, с достоинством, повинуюсь судьбе.

Зенон из Китиона (ок. 333-262 гг. до н. э.) основал к концу IV в. до н. э. эллинистическую философскую школу Стоя. Учение Стои – стоицизм – просуществовало почти семь столетий до конца III в. н. э., когда было вытеснено неоплатонизмом. В долгой истории стоицизма различают три основных периода: Древнюю, Среднюю и Новую Стою. Мы рассмотрим жизнь и учение основателя стоицизма, а потому представителя Древней Стои Зенона из Китиона.

Китион – один из девяти главных городов тогдашнего Кипра. Отец Зенона был купцом. По его стопам пошел и сын. Однако судьба распорядилась иначе. Зенон-сын погрузил товар на корабль, который потерпел крушение. Оставшись без средств, тридцатилетний Зенон поселился в Афинах. Однажды он зашел в книжную лавку и зачитался «Воспоминаниями о Сократе» Ксенофонта. Прийдя в восторг от книги, он попросил книгопродавца указать ему людей в Афинах, подобных Сократу. В это время мимо лавки проходил Кратет, и продавец сказал Зенону: «Вот за ним и ступай!» Зенон стал учеником Кратета, который в свое время был учеником киника «Пса» – Диогена. Поскольку Зенон знал укору совести, то не смог перенять у киников их «бесстыдство» и разработал собственное учение. На Зенона оказали влияние не только киники, но и академики и перипатетики. Современниками Зенона-стоика были Эпикур и Пиррон – основатель античного скептицизма.

Основные сочинения Зенона: «Государство», «О жизни, согласной с природой», «О порыве, или О человеческой природе», «О страстях», «Об обязанностях», «О законе», «Об эллинском воспитании», «О зрении», «О цельном», «О знаках», «Пифагорейские вопросы», «Всеобщие вопросы», «О словах», «Гомеровские вопросы», «О чтении поэзии», «Учебник», «Решения», «Опровержения», «Воспоминания о Кратете», «Этика». Из этих сочинений остались отдельные фрагменты либо просто названия.

Помимо написания книг Зенон придавал большое значение устному распространению

идей. Для преподавания он выбрал место в афинском портике – крытой галерее с колоннами. По-древнегречески портик – «стоа». Учеников Зенона стали называть по месту их сбора «стойками».

Зенон прожил 92 года и умер, задержав дыхание. Его учение допускало самоубийство. Преемником Зенона по руководству школой стал Клеанф, который, будучи на пять лет моложе Зенона, пережил его на тридцать лет. Устав от жизни, Клеанф уморил себя голодом.

Цель жизни. Проблема смысла жизни была жизненно важной для того времени. Стоицизм складывался в борьбе с враждебным ему философским течением – эпикуреизмом, учившим о разумных удовольствиях. На вопрос о смысле и цели жизни Зенон, по свидетельству Диогена Лаэртского, первым среди философов утверждал в сочинении «О порыве, или О человеческой природе», что конечная цель человека «жить согласно с природой». Это означает, по мысли Зенона, то же самое, что жить согласно с добродетелью, ибо природа ведет человека к добродетели. «Конечная цель определяется как жизнь, соответствующая природе (как нашей природе, так и природе целого), – жизнь, в которой мы воздерживаемся от всего, что запрещено общим законом, а закон этот – верный разум, всепроникающий и тождественный с Зевсом, направителем и распорядителем всего сущего. Это и есть добродетель и ровно текущая жизнь счастливого человека, в которой все совершается согласно с божеством каждого и служит воле всеобщего распорядителя» [1].

По этому отрывку видно, что в мировоззрении автора органично слиты: логика, физика и этика. Именно Зенон первым разделил философское учение на три части: логику, физику и этику. Логика он ставил на первое место, физику на второе, а этику – на третье. Сравнивая философию с яйцом, стоики говорили, что скорлупа подобна логике, белок – физике, а этика подобна желтку. Последователь Зенона Хрисипп ставил на второе место этику, а физику на третье. Но оставалась неприкосно-

венной глубокая мысль стоиков, что алогичной философия быть не может, а в ней на первом месте должна быть логика. Впоследствии, когда Новая Стоя (Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий) сосредоточит внимание на этике, то исчезнет стоицизм как философия и растворится в религии. Именно логика скрепляет философскую систему.

Единство трех частей философии потребовало разработки соответствующей системы категорий. Стоя справилась с этим вызовом. Некоторые из категорий стоиков вошли в арсенал мировой философии.

Например, ими была разработана категория Логоса. И учение о Логосе, и учение о происхождении мира из огня, и о периодически повторяющемся возвращении мира в огонь стоики заимствовали у Гераклита. А.Ф. Лосев говорит, что стоики близки к Гераклиту. Если Гераклит учит о «разумном огне», то стоики о «творческом», «художественном» огне. Логосу тождественна Судьба. «Судьба есть Логос космоса». «Согласно судьба ведет, а несогласно тащит». Стоик любит свою судьбу, несмотря на то, что она его не ведет, а тащит. Отсюда и «любовь к судьбе», «любовь к року» – одно из знаменитых понятий позднего стоицизма. Согласно учению стоиков один и тот же Логос, что правит миром, правит разумным поведением человека. Мудрец живет в соответствии с природой, живет добродетельной жизнью, что обеспечивает ему безмятежность существования («атараксию»), которая и есть высшая цель жизни.

Логика. На фоне колоссального влияния логики Аристотеля стоики внесли значительный вклад в теорию правильного мышления. Их заслугу в развитии античной логики отметил К. Маркс: «После Аристотеля они явились главными основателями формальной логики и систематики вообще» [2].

Именно стоики обратили внимание логиков на язык как средство выражения мысли. Слово и мысль, по их мнению, неразрывно связаны, что собственно вытекает из того, что обозначаются они одним и тем же греческим термином – Логос. А потому логика должна трактовать и о слове, и о мысли.

Логика стоиков делилась на рассуждения в форме непрерывной речи и на учение о рассуждении в форме вопросов и ответов. Первыми занимается риторика, вторыми – диалектика. Диалектика разделяется ими на логику, ко-

торая исследует «обозначаемое», и грамматику, исследующую «обозначающее» слово. Но остается еще сам предмет исследования, то, что в XX веке стало основой многочисленных теорий значения. Слово правильно выражает мысль, которая истинным образом обозначает объект. Средним между обозначаемым и обозначающим является «высказанное». Высказанное по отношению к обозначаемому есть слово, понятие о нем, а по отношению к обозначающему – смысл слова. Однако смысл слова может не совпадать с понятием о предмете, которое может быть не каталептическим. В этих двух случаях мы имеем дело с заблуждением.

Единственный источник знания стоики видели в ощущениях. Душу новорожденного они уподобляли чистому папирусу, который заполняется по мере роста восприятий ребенка. Представление слабее восприятия, ибо воспринимаемого тела нет в наличии. Повторяясь, восприятия ведут к образованию понятий. Понятия могут складываться стихийно либо образуются по нормам диалектики в форме вопросов и ответов. Стоицизм обратил внимание на активность субъекта в акте познания. Благодаря деятельности субъекта происходит формирование понятий ума и логическое постижение. Познание, начавшись с восприятия, ведет нас через логическое постижение вновь к восприятиям.

Наряду с понятиями, возникающими посредством активности субъекта, понятия могут возникать стихийно как их предвосхищение. В обыденном сознании существуют предварительные представления о понятиях, предшествующих философскому познанию, как пред-рассудок, как пред-понимание. Научные понятия в отличие от обыденных представлений требуют обучения и воспитания.

Стоики исходили из познаваемости мира. В этом подходе они расходились со скептиками и в споре с ними утверждали существование каталептических восприятий, то есть восприятий не чисто субъективных. Чтобы получить каталептическое восприятие душа должна была быть пассивной при восприятии, но активной на ступени «суждения восприятия».

Слова, согласно стоикам, обусловлены самой природой вещей. Наиболее это справедливо для первоначально возникших слов. Но такой подход не спасал от многих парадоксов.

Физика стоиков исходит из предположений, что объективно существуют только тела,

бестелесное само по себе не существует, пустота есть небытие, место и время существуют лишь в единстве с состоянием материи. Тела получают определение через качества, благодаря которым они являются.

Согласно Диогену Лаэртскому, стоики признают во всем сущем два начала: деятельное и страдательное. «Страдательное начало есть бескачественная сущность, то есть вещь; а деятельное – разум, в ней содержащийся, то есть бог. Он вечен, и он – творец всего, что в ней имеется» [3].

Стоический бог есть «творческий огонь», который смешан с самой материей. Он выступает субстанцией и субстратом. Бога можно отделить от материи лишь в абстракции. Это ли не начало пантеизма, который в лице Джордано Бруно приходит к мысли, что в бесконечности материи все едино.

Бог не только «творческий огонь», но и Логос («разум» мира), и его семя («зародыш»). Он – «сперматический логос», семя космоса и отдельных вещей.

Мировое развитие подчинено необходимости и строго детерминировано. Ничто не происходит без причины, а потому все необходимо.

Усилиями «сперматического логоса» божества часть воды превращается в землю, другая часть остается водой, а третья превращается в воздух. Разряженный и воспламенившийся воздух становится огнем. Наибольшее внимание стоиков приковано к огню и смеси огня с воздухом – пневме. Вот в виде пневмы и сохраняется божество в материи. Таким образом, весь мир есть живое существо.

Душа – это особое тело, «теплая и огненная пневма». Диоген Лаэртский разъясняет, что «душа – это дыхание, врожденное в нас, поэтому она телесна и остается жить после смерти» [4].

Из творческого огня все сущее возникает и по происшествии 10800 лет все вновь превращается в огонь. Мир сворачивается, чтобы затем вновь перейти в развернутое состояние.

В зависимости от состояния пневмы образуется лестница бытия – неорганическая, флора, фауна, человек – четыре царства природы. Пневма пронизывает всю природу. В неорганическом мире пневма выступает как слепая необходимость и причинность, в растительном мире пневма – слепая формирующая сила природы. В животном мире пневма – разумная

душа, стремящаяся к объективно разумному. Чем больше огня в пневме, тем более он разумен. Наиболее разумен чистый огонь – это и есть Бог. Стоики не огнепоклонники, их огонь духовен. Такой огонь есть провидение, которое истекает с неба на землю, проникает во все вещи, а в человека проникает в виде души. Телесность различается в мире в виде огненной пневмы; она имманентна внутреннему существованию человека.

Поскольку Бог находится в Природе, то он всем управляет, все предвидит, все предопределяет. Все происходящее в мире Бог подчиняет победе разума над неразумным, единства над множеством. Бог предопределяет в этом мире все до мелочей. Но на разных уровнях природы предопределение происходит по-разному – от слепого рока до разумности. В целом Бог предопределяет мир к благу. Причинность подчинена цели, то целевая причина.

Согласно мысли стоиков мир создан для людей и богов. (Чем не своеобразное предвосхищение антропного начала.) Но вместе с тем делается вывод, что перед лицом крайнего несовершенства мира Бога необходимо оправдать. Как же происходит «оправдание бога», как же возможно в мире благое существо, если в мире существует во многих видах зло? Наличие бога не допускает лишь *абсолютного* зла. Тем самым усилий бога недостаточно. Чтобы не было зла, миру нужна помощь людей. Зло выступает результатом свободного действия человека, свободной воли, но вместе с тем зло необходимо для гармонии добра и зла в мире. В конечном счете, зло служит благу и добру. Здесь вновь обнаруживается близость стоиков Гераклиту, его учению о единстве добра и зла.

Согласно Гераклиту, человек ограничен и может принимать добро за зло, а для бога все хорошо и все прекрасно. «Сотри случайные черты, и ты увидишь, мир прекрасен», – утверждает А. Блок. Стоики исходят из того, что зло существует не зря. Только терпя страдания и зло, мудрец может упражняться в добродетели. А.Н. Чанышев по поводу уровня понимания стоиков говорит следующее: «Это сомнительное рассуждение стоиков вряд ли пришлось бы по вкусу Будде. Он-то понял, что зло не может быть путем к добру; что добро нельзя творить через зло; что зло, следовательно, не есть добро как то, что служит добру, является средством его достижения. Эта великая мысль Будды не нашла своего достойного эквивалента в европейской культур-

но-этической традиции. В ней возобладала мысль Гераклита о единстве добра и зла. И это нашло свое повторение у стоиков как в некоторой степени гераклитовцев» [5].

Этика. Стоики опирались на учение, согласно которому в целом в мире все хорошо, хотя в частностях может быть и плохо. На основании такого подхода к жизни они воспитывали в себе атараксию и апатию, повиновение судьбе. В этом они видели путь к эвдаймонии – высшему счастью и блаженству как результату гармонии человека и воли бога. Счастливая жизнь есть жизнь добродетельная, жизнь «согласно с природой». Сама природа ведет нас к добродетели через страдания. Однако понимание счастья у стоиков иное, чем у Эпикура. Счастье и не наслаждение, как учили гедонисты. Согласно стоиков, счастье способствует тому, что укрепляет жизнь, а все живое стремится к самосохранению. Самосохранение способствует той жизни, что находится в согласии с природой, и это главный долг человека. Этика стоиков – этика долга. Жить в согласии с природой, значит жить разумно, иными словами, жить бесстрастно. Единственное зло – порок. Остальное должно быть человеку «безразлично». Основные добродетели: благоразумие, умеренность, справедливость, мужество. Пороки – то, что им противоположно: неразумие, необузданность, несправедливость и трусость. Обычные человеческие ценности – здоровье, красота – это животные ценности. Стоики поняли, что между добром и злом находится широкая нейтральная полоса, в которой практически ничего не зависит от воли человека. И по отношению к этим ценностям нужно быть безразличным, их следует принимать. Ориентиром нам сегодняшним являются строки: «У природы нет плохой погоды», и все, что от нас не зависит, следует «благодарно принимать». Но не только природные явления следует безропотно принимать, но и те социальные обстоятельства, что существуют в тоталитарных и авторитарных режимах. В них с полным безразличием следует принимать жизнь и смерть, удовольствие и страдание, славу и бессмертие. В таком мире будет царить адиафора.

Но в таком случае нам предлагают квиетизм – далекое от жизни поведение, полную отрешенность, спокойное, лишённое аффектов пассивное поведение. Сущность квиетизма выражают слова: «Не стремиться ни к чему, ничего не отклонять». Для верующего квиетизм выражается в непротивленческой покорности божественной воле. «Да будет воля Твоя!»

Действительно, страдания жизни многих людей влекут к пессимизму и пассивности. Однако из такой жизненной ситуации стоики нашли выход. Они предложили идеал «мужественной красоты», идеал человека, неподвластного обстоятельствам, который саму безнадежность превращает в торжество над обстоятельствами, а покорность им – во внутреннюю свободу. В этом возвышенном трагизме залог привлекательности стоического учения. От человеческого выбора зависят добродетель и порок, добро и зло. Стоики не исключают свободного выбора для человека. Однако возможность свободы открывается не в практической сфере, а в эмоциональном отношении к миру и к самому себе. Ход событий необходим и предопределен, но можно преобразовать эмоциональное к ним отношение. Мудрость состоит в том, чтобы освободиться от аффектов, что достигается разумным к ним отношением. Всех людей стоики делят на мудрецов и глупцов как на два принципиально разных рода людей. Добродетельные люди всю жизнь держатся добродетели, а дурные – порока.

Однако, разделив людей на два рода, стоики пришли к самоотрицанию своей этики. Нравственность всегда практична и направлена на воспитание в людях различия между добром и злом. А первоначальный этический идеал стоиков исключал возможность для глупцов стать мудрецами, а мудрецов полагал свободными от общепринятых обычаев и чуждыми состраданию. Это был моральный тупик. Выход был найден стоиками в том, что закон предписывает обязанность, но надлежащее действие добродетельно в том, и только в том случае, если оно сопряжено с нравственным мотивом. А в таком случае уже нужно исходить из того, что люди равны между собой, равны рабы и господа, мужчины и женщины. Свобода стоиков не столько свобода действия, сколько свобода намерения и решения. Для сравнения напомним, что у Сартра быть свободным означает «самоопределять свое желание». Так понимал свободу и Рене Декарт, который следовал этике стоиков.

Тем самым стоики исходили не из бесстрастия и равнодушия, не из «апатии», а из «евпатии» – блаженного состояния души, не зависящего от того, что происходит с телом. Пусть все тяготы мира свалятся на плечи стоического мудреца, ничто не может нарушить его спокойствия. Стоики прекрасно понимали, что далеко не всякому человеку такое под силу.

Стоики считали, что свобода существует, и именно ради свободы требовали жить в согласии с природой. Поскольку человеческий разум – это часть мирового разума, то жить соответственно природе означает одновременно и жить соответственно разуму.

Всякое нравственное действие является, согласно стоикам, самосохранением и самоутверждением. Самосохранение содержит в себе негативный момент. Однако споспешествовать самому себе означает, если это понимается правильно, и споспешествовать общему благу. Грехи и безнравственные поступки саморазрушительны, ведут к утрате собственной природы, к болезни души. Правильные желания, поступки и дела, совпадающие с мировой гармонией, – гарантия человеческого счастья. Что же означает правильно делать и воздерживаться? Оно означает единственное: развивать свою личность в противовес внешнему, не быть покорным судьбе, не склоняться ни перед какой силой. Но это уже заключительные аккорды стоической мысли, развитые римскими стоиками.

Следует учитывать, что этику Стои создавали выходцы из деклассированных слоев общества. Неопределенное и ненадежное, постоянно угрожающее таким людям социальное и физическое бытие требовало выработки философии внутреннего покоя, сосредоточенности углубленного саморазвития, а тем самым давало этим людям шанс. «Идеал стоика – человек, который безропотно, но мужественно и с достоинством повинуетя неизбежности, судьбе или воле богов, памятуя, что противостоять ей бессмысленно и тщетно», – замечает А.С. Богомолов [6]. Такой подход породил значение слова «стоик», с таким значением оно вошло во многие языки мира.

Все, что происходит в природе, учили стоики, то совершается с необходимостью, а то, что совершается в обществе, рассматривалось ими как возникшее по установлению. А то, что возникает по установлению, то условно. Такой подход открыл стоикам двери в космополитизм. Зенон признавал желательность общности жен, запрещения строить в городах храмы, отмены денег. Существующий общественный строй встраивался стоиками в единый мировой процесс, который с необходимостью ждет «мировой пожар», за которым опять последует блаженный «золотой» век.

Для обоснования своих положений стоики, как утверждает А.Н. Чанышев, «пустили неле-

пую идейку о свободе как познанной необходимости» [7]. Пафос философии стоиков состоял в пропаганде единства. Отсюда высшее назначение людей – преодолеть все преграды, все то, что людей разъединяет, и слиться в космическом братстве, образовав всемирную органическую целостность. Мечта Зенона, в изложении Плутарха, состоит в том, чтобы «у нас была общая жизнь и единый распорядок, как у стада, пасущегося на общем пастбище» [8]. Мечта Зенона явно утопичная и тоталитарная. Как известно, утопии любят воплощаться в жизнь. Утопия Зенона в какой-то мере была претворена в жизнь Александром Македонским при создании империи. Мы, живущие при распаде империй, видим, как это все начиналось, чем такого рода утопии заканчиваются. Александр увидел себя поставленным богами над людьми в качестве всеобщего устроителя их жизни и применял оружие к тем, на кого не удавалось воздействовать словом. Он смешивал племена, заставлял считать родиной вселенную. Но от такого смешения не может получиться органической целостности, а возможно, и то на время, механическое соединение. Стоицизм со своим стремлением к философскому Единому, вызвал к жизни философское тоталитарное мировоззрение, которое еще долго будет сопровождать человечество.

В последующей за стоицизмом христианской традиции страдание выступает божественной карой за грехи и требует искупления. Вместе с тем страдание – средство избавления от греха, средство нравственного совершенствования и спасения, а тем самым благо. Согласно Евангелию, искупительная жертва Христа придает страданию значение залога спасения. В свою очередь сострадание выступает в качестве универсального отношения к миру, на котором основана заповедь любви к ближнему. Христианство повернуло страдание в сторону сострадания.

Исследование природы сострадания, поиски действительного основания морали привели А. Шопенгауэра к пониманию того, что сострадание есть способ непосредственного проникновения в чужое Я, слияние с ним, что позволяет познать тождественность всего сущего. Именно сострадание освобождает от бремени заботы о собственной жизни и вселяет в нас заботу о чужом благе. Сострадание открывает человеку спасительный путь над бездной отчаяния и страдания, в которую ввергает человека эгоизм.

Жизнь человека, по Шопенгауэру, полна многочисленных страданий. Вместе с тем сострадание открывает в глубинах нашего Я, в открытой любовной связи со всеми другими страждущими существами – возможность всечеловечности и всемирности, которая заявляет о своей значимости без нашего спроса так, что мы оказываемся как бы без вины виноватыми во всех страданиях всего живущего и причастными к нему. Человек приходит к открытию, что он вынужден принимать вину за жестокою несправедливость мира на себя. С помощью сострадания мы превращаем чужое сострадание в свое собственное. Но сделать мы это сможем, лишь отождествив свое Я с чужим Я. Тем самым от нас самих зависит, чтобы исчезла граница между Я и не-Я. Нравственность человека зависит от его собственных усилий, держится на этих усилиях, но только нравственность ведет к внутреннему единству всего сущего и порождает действительную устойчивость в полноте бытия.

Страдание может привести человека к тому, что его воля отвернет его от жизни, сделает равнодушным. Но страдание должно быть переплавлено в сострадание, поскольку именно последнее открывает дверь в свободу. Самоотрицание воли может быть сломлено лишь величайшим личным страданием. Когда освобождение от воли к жизни приведет человека к деятельному единению со всем миром, тогда наступает момент нравственного прозрения. Перед человеком открывается путь постоянной и последовательной борьбы за удержание приобретенного смысла жизни – путь аскетического подвига и святости. Святой и аскет – действительные победители жизни.

Через постоянные страдания жизни человек должен прийти к мысли, что приобщенность к чужому страданию открывает для него собственное предназначение, открывает смысловую упорядоченность мира. В страданиях жизни человек должен увидеть человек «средство милосер-

дия», увидеть, что именно страдания направлены на его истинное благо. Тогда возникает позитивная сторона страдания.

Конечно, можно, теоретически зная вывод, как бы без личного страдания говорить слова о своей вине и каяться в несуществующих грехах. Однако такой путь не ведет в нравственную реальность. Согласно Шопенгауэру, «вина бессмысленна без свободы». Вина должна вести человека к активной позиции борьбы за душу другого. Разумеется, такой путь сопровождается личными потерями, но это путь ответственности за другого, а тем самым и за других. А. Шопенгауэр приходит к выводу, который в редакции А.А. Чанышева таков: «Моральная свобода и есть основание всего мира, скрытая от непосредственного познания сущность мира, изначальная воля, тождественная моральной свободе» [9].

Таков путь, ведущий к пониманию подлинной духовности. Поскольку это «экзистенциальный прорыв» к духовности, то можно утверждать, что Зенон из Китиона способствовал открытию «экзистенции» человека.

Неудовлетворенность внешней жизнью подвела стоиков к открытию духовного мира, к антропологическому измерению личности, к углублению в сокровенные глубины человеческого Я, обнаруживая истоки будущего мира в человечности человека, которую он постигает благодаря страданиям от неустроенного внешнего мира и собственной внутренней незрелости. Открытие «внутреннего мира» человека стоиками было основой для открытия «внутреннего человека» в терминах Нового Завета. Многие положения поздних стоиков было созвучны идеям нарождающегося христианства. Стоицизм выполнил свое назначение – он приоткрыл человечеству дверь к свободе, ответственности, вине, духовности, а сам выступил как предродитель.

Список использованной литературы:

1. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. VII, 88. С. 295-296.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 125.
3. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. VII, 134. С. 309.
4. Там же. VII. 156-157. С. 316.
5. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. М., 1991. С. 135.
6. Богомолов А.С. Античная философия. М., 1985. С. 268.
7. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. М., 1991. С. 140.
8. Плутарх. Сочинения. М., 1983. С. 416.
9. Чанышев А.А. Учение А. Шопенгауэра о мире, человеке и основе морали // Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 1. М., 1999. С. 468.